
Арсен
МАРТИРОСЯН

СТО МИФОВ О БЕРИИ

От славы к проклятиям

1941–1953

100 мифов о Бери

Арсен Мартиросян

**От славы к проклятиям.
1941–1953 гг.**

«ВЕЧЕ»

2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

Мартиросян А. Б.

От славы к проклятиям. 1941–1953 гг. / А. Б. Мартиросян —
«ВЕЧЕ», 2010 — (100 мифов о Берии)

Само имя – БЕРИЯ – до сих пор воспринимается в общественном сознании России как особый символ-синоним жестокого, кровавого монстра, только и способного что на самые злодейские преступления. Все убеждены в том, что это был только кровавый палач и злобный интриган, нанесший колоссальный ущерб СССР. Но так ли это? Насколько обоснованна такая, фактически монополюсно господствующая в общественном сознании точка зрения? Как сложился столь негативный образ человека, который всю свою сознательную жизнь посвятил созданию и укреплению СССР, результатами деятельности которого Россия пользуется до сих пор? Ответы на эти и многие другие вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Лаврентия Павловича Берии, читатели найдут в состоящем из двух книг новом проекте известного историка Арсена Мартиросяна – «100 мифов о Берии». Первая книга проекта «Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? 1917–1941 гг.» была посвящена довоенному периоду. Настоящая книга является второй в упомянутом проекте и охватывает период жизни и деятельности Л. П. Берия с 22.06.1941 г. по 26.06.1953 г.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

© Мартиросян А. Б., 2010
© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Миф № 1. Берия сфальсифицировал дело в отношении командования Западным фронтом, сделав из них «козлов отпущения», хотя никакого предательства с их стороны не было. В результате незаконно были расстреляны невинные люди	6
Миф № 2. В начале войны Берия инициировал незаконный расстрел 25 генералов ВВС, обвиненных им в антиправительственном военном заговоре, а также 170 заключенных, числившихся особо опасными государственными преступниками, в том числе устроил «зверскую расправу» над старым большевиком Михаилом Кедровым, несмотря на то что он был освобожден по приговору суда	17
Миф № 3. Едва только обозначилась угроза катастрофы на советско-германском фронте, Берия по собственной инициативе и через агента советской внешней разведки посла царской Болгарии в СССР Стаменова вступил в тайные сепаратные переговоры с гитлеровцами в целях зондирования возможности соглашения о сепаратном мире по аналогии с Брест-Литовским договором от 3 марта 1918 г.	21
Миф № 4. Едва только обозначилась угроза полного поражения в войне, Берия предложил Сталину создать заградительные отряды, чтобы страхом удержать разбегающуюся армию на фронте. Руководимые Берия заградотряды свирепствовали на фронте, расстреливая чуть ли не всех подряд, кто покинул свои боевые позиции	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Арсен Беникович Мартиросян
От славы к проклятиям
1941–1953 гг.

Миф № 1. Берия сфальсифицировал дело в отношении командования Западным фронтом, сделав из них «козлов отпущения», хотя никакого предательства с их стороны не было. В результате незаконно были расстреляны невинные люди

Как ни странно, но этот миф до сих пор еще «в моде». Причем у него две ипостаси: в одних случаях акцент делают на то, что-де Сталин незаконно расправился с невинными, как агнцы божьи, генералами, в других – на Берия, упирая на то, что-де он якобы сфальсифицировал дело на генералов Западного фронта. В обеих ипостасях этот бред гуляет давно. В широкий пропагандистский оборот его ввел Хрущев, правда, с подачи Г. К. Жукова, который в данном случае пытался отмазать себя от ответственности за катастрофический провал Западного фронта и за трагическую судьбу ее командующего. Ведь мало кому известно, что санкцию на арест и предание суду военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом генерала Павлова Д. Г. подписал лично Г. К. Жуков, перепрыгнув через голову первого на войне Главнокомандующего, то есть наркома обороны С. К. Тимошенко. Тимошенко лишь задним числом подписал само постановление на арест Павлова. И ареста командующего 4-й армией этого фронта – генерала Коробкова – первым же потребовал опять-таки лично Жуков. Причем в адресованной члену Политбюро Г. М. Маленкову резолюции Жукова говорилось, что «Коробкова нужно арестовать и судить как труса и предателя». Впоследствии, будучи не в силах отместить тот факт, что резолюция была начертана на документе, на котором стоит штамп входящей регистрации не просто Генштаба, а именно же секретариата начальника Генштаба, то есть самого Жукова, его «адвокаты» придумали несусветную глупость: «Есть большая вероятность того, что резолюция принадлежит Жукову, хотя графические признаки подписи на документе не полностью совпадают с образцами его почерка»?!. Дело в том, что Жуков всегда заявлял, что нигде нет ни одной его подписи на документах, связанных с репрессиями. Вот «адвокаты» и пытались «спасти» репутацию маршала самым неуклюжим образом. Ведь куда выгодней все спихнуть на НКВД и Берия. Но все дело-то в том, что Жуков врал, что называется, напролом. С конца 1938 г. санкцию на арест военнослужащих, тем более в генеральском звании, по закону могло дать только руководство наркомата обороны. И оно давало эти санкции как непосредственно накануне войны, так и в начале войны – до того момента, как Сталин стал Верховным Главнокомандующим и наркомом обороны. И Жуков подписал немало таких документов. Вот только отвечать за это он, естественно, не хотел... Однако хотел он или не хотел, но История сохранила неопровержимые свидетельства, что Жуков и Тимошенко являлись инициаторами ареста командования Западного фронта. Так, постановление на арест Павлова датировано 5 июля 1941 г. В соответствии с реорганизацией органов госбезопасности по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 февраля 1941 г. в указанное время особые отделы входили в состав наркомата обороны, являясь его 3-Управлением. Соответственно постановление 3-го Управления НКО СССР на арест Д. Г. Павлова от 5 июля 1941 г. было утверждено непосредственно наркомом обороны С. К. Тимошенко. В соответствии с действовавшим тогда законодательством санкцию на арест Павлова дал прокурор СССР В. М. Бочков. Исходя хотя бы из этих мизерных данных, объясните хотя бы самим себе, какое отношение к аресту Павлова имел Лаврентий Павлович Берия? Если, конечно, сможете...

Да, позже, когда произошло обратное слияние наркоматов внутренних дел и государственной безопасности в единый наркомат внутренних дел, а особые отделы вернулись в родные пенаты, сиречь на Лубянку, а произошло это с 17 июля 1941 г., дело Павлова и его

генералов вели уже следователи НКВД СССР. Однако же основное следствие было проведено сотрудниками 3-го Управления НКО СССР, которое подчинялось непосредственно Тимошенко и Жукову. А суд над Павловым и его генералами начался 22 июля 1941 г. И что НКВД СССР за эти пять дней могло сделать? Разве что только поднять архивные материалы 1937-го и последующих годов, по которым в качестве соучастника генеральского заговора проходил, в частности, Павлов. Эти материалы также фигурируют в его деле.

Несмотря на всю очевидность подлинных фактов Истории, среди определенного круга «демократически мыслящих» историков по-прежнему считается особым шиком вылить ушаты грязи на Берия и Сталина за якобы незаконную расправу над командованием Западного фронта.

Между тем если исходить из подлинных реалий, то никакой незаконной расправы над Павловым и иными командирами ЗапОВО не было. За то, что они натворили, – и десятка смертных приговоров было бы мало! За одно то, что ими нагло не была выполнена санкционированная лично Сталиным директива Генштаба от 18 июня 1941 г. о приведении войск приграничных округов в боевую готовность в связи с возможным внезапным нападением Германии в ближайшие дни, – уже расстрел полагался. А ведь они признали в суде, что эта директива Генштаба ими не была выполнена!

Позвольте ознакомить вас, уважаемые читатели, с некоторыми документами и свидетельствами, от ознакомления с которыми приходишь просто в ужас. Сразу же хочу обратить внимание на то, что это не документы НКВД. Это документы, составленные гражданскими лицами – партийными работниками. Эти документы тем и примечательны, что с позиции гражданских лиц четко указывают на виновность командования Западного округа/фронта.

1. Из записки секретаря Брестского обкома КП(б) Белоруссии М. Н. Тупицына «О положении на фронте Брест-Кобринского направления» в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Белоруссии от 25 июня 1941 г.: «Брестский обком КП(б) Б (так в тексте, хотя должно быть Белоруссии. – А. М.) считает необходимым информировать Вас о создавшемся положении на фронте Брест-Кобринского направления. Обком КП(б) Б считает, что руководство 4-й армии (командующий генерал-майор А. А. Коробков. – А. М.) оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями. Это подтверждается целым рядом фактов, в частности:

Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать, или погибнуть. В таком положении оказались 6-я и 42-я стрелковые дивизии в Бресте и 49-я сд – в Высоковском районе.

В Брестской крепости на самой границе держали две стрелковые дивизии, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и вернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создавалась паника, а мощный шквал огня немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии. По рассказам красноармейцев, которым удалось спастись, заслуживает внимания и тот факт, что не все части и соединения имели патроны, не было патронов у бойцов.

В 49-й сд после первых же выстрелов также произошло смятение. Разработанный заранее план действий на случай войны не был изучен командирами подразделений, и, как рассказывает секретарь Высоковского РК КП(б) Б т. Рябцев, командир 49-й сд только в его присутствии стал давать распоряжения подразделениям, но было уже поздно...

Можно было бы привести много примеров, подтверждающих, что командование 4-й армии, несмотря на то, что оно находилось в пограничной области, не подготовилось к военным действиям. Вследствие такого состояния с первых же дней военных действий в частях 4-й армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников

и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер. Работники обкома партии вместе с группой пограничников пробовали задерживать бегущих с фронта. На шоссе около Ивацевичи нам временно удалось приостановить это позорное бегство. Но здесь необходимо принять более серьезные и срочные меры борьбы со стороны командования.

Возмутительным фактом является и то, что штаб корпуса не установил связь с обкомом, выехал на командный пункт за город, потеряв связь со своими частями. Таким образом, многие командиры и политработники вместо организации эвакуации в панике бежали из города, в первую очередь спасая свои семьи, а красноармейцы бежали в беспорядке.

Обком и Горком КП(б) Б вместе с обл. управлениями НКВД и НКГБ пытались первое время навести порядок в городе, но эффективно ничего сделать не смогли, поскольку красноармейские части в панике отступали. Поэтому, не зная обстановки, не имея связи с военным командованием, не рассчитывая на боеспособность воинских частей, мы вынуждены были оставить г. Брест.

Обком КП(б) Б считает, что необходимо принять самые срочные и решительные меры по наведению порядка в 4-й армии и укрепить руководство 4-й армии»¹.

* * *

Небольшой комментарий. Обратите внимание прежде всего на то, что уже 25 июня 1941 г. секретарь Брестского обкома партии с горечью вынужден был констатировать катастрофическое положение. А всего-то прошло три дня с начала войны. Но это еще что. Во-первых, посмотрите, что написал секретарь обкома: «...несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах». Весьма незатейливо секретарь обкома подтвердил, что накануне войны командованию воинских частей ЗапОВО действительно было специальное предупреждение о грозящем нападении. Но едва ли речь шла о директиве № 1, которую Жуков и Тимошенко послали только ночью 22 июня. Да и не предназначалась она для оповещения партийных органов – это была директива сугубо для командования. К тому же эта директива не успела дойти до всех командиров, ибо началась война. Так что без прегрешения против истины можно категорично утверждать, что речь шла о директиве от 18 июня 1941 г.! О ней партийные органы действительно знали. И это тем более так, если учесть, что секретарь написал «несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах». То есть в том смысле, что командование продолжало-таки проживать на городских квартирах даже после предупреждения. Что в свою очередь означает некоторый временной промежуток между получением сигнала военной опасности и продолжением жития на городских квартирах. В совокупности это означает, что предупреждение действительно было за несколько дней. А оно ведь действительно было – 18 июня 1941 г.! Однако военное командование проигнорировало этот сигнал!

Во-вторых, изложение секретарем обкома фактической «технологии» уничтожения гитлеровцами двух стрелковых дивизий в Брестской крепости еще раз подтверждает, что командование действительно проигнорировало сигнал военной опасности. Объясню, почему столь категорично. Из дневника помощника уполномоченного Ставки маршала К. Е. Ворошилова – генерал-майора Л. А. Щербакова, сопровождавшего его в поездке на Западный фронт в первые дни войны, – четко видно, что очень многое в действиях командования и дислокации войск ЗапОВО накануне войны оказалось весьма неожиданным для Климента Ефремовича. А ведь даже после отставки с поста наркома обороны в мае 1940 г. Ворошилов был отнюдь не послед-

---

¹ Цит. по: «Известия» ЦК КПСС, 1990, № 6, с. 204–205.

ним человеком в высшей государственной и военной иерархии СССР – с того же мая 1940 г. он являлся заместителем Председателя СНК СССР (то есть, если по-современному, вице-премьером) и Председателем Комитета Обороны при Правительстве СССР. То есть фактически вице-премьером по военным делам. И вот даже для такого, обладавшего исключительной информированностью в военных делах, человека едва ли не все вдруг оказалось неожиданным, особенно в дислокации войск ЗапОВО накануне войны. Из содержания дневника Щербакова со всей очевидностью вытекает, что Ворошилов был просто потрясен, увидев 22 июня на карте в Брестской крепости 6-ю и 42-ю стрелковые дивизии 4-й армии, а вблизи еще и танковую дивизию. В первые же минуты войны все три понесли столь тяжелейший и невосполнимый урон, что стрелковые дивизии фактически сразу были зачислены в разряд уничтоженных практически поголовно. А теперь попробуйте понять потаенный смысл происшедшего. Председатель Комитета Обороны при Правительстве СССР – он же вице-премьер по военным делам – до 22 июня включительно не знал, что дивизии 4-й армии – в Бресте! А ведь его обязаны были проинформировать об этом. И сделать это должны были Тимошенко и Жуков. Потому что именно по их указанию упомянутые части 4-й армии перебросили в Брест накануне войны. И выходит, что они погибли по прямому указанию Тимошенко и Жукова, которые не проинформировали о переброске войск даже Председателя Комитета Обороны при Правительстве СССР! Проще говоря, их подставили под фатально неизбежную гибель, фактически заперев в каменном мешке под названием «Брестская крепость», из которой даже в мирных условиях и то невозможно было быстро выйти. В-третьих, потрясает упоминание секретарем обкома факта о том, что у воинских частей не было даже патронов. А ведь 18 июня 1941 г. была дана директива о приведении войск в полную боевую готовность. Что в свою очередь непременно подразумевает и выдачу боеприпасов. Но этого не было сделано! Как еще убедимся, это имело место во многих частях ЗапОВО. В-четвертых, буквально в кому вгоняет упоминание о том, что ни одна часть не была готова к отражению нападения. Но особенно и, в-пятых, что «разработанный заранее план действий на случай войны не был изучен командирами подразделений и, как рассказывает секретарь Высоковского РК КП(б) Б т. Рябцев, командир 49-й сд только в его присутствии стал давать распоряжения подразделениям, но было уже поздно...». А это уже прямое государственное преступление, особенно если учесть, что 18 июня 1941 г. была дана директива о приведении войск в полную боевую готовность, что одновременно подразумевает и постановку командирам частей боевой задачи на случай нападения с одновременным указанием рубежей обороны, которые они должны занять. Но и это не было сделано! Кстати говоря, не могу в этой связи не напомнить содержание первого вопроса, который Сталин поставил перед опрашивавшимися в послевоенное время генералами: «1. Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?» Сопоставьте с тем, что написал партийный секретарь. Вот то-то и оно, что при сопоставлении со сталинским вопросом описанное партсекретарем четко указывает на воинское преступление, если не вообще на особо опасное государственное преступление! В-шестых, поражает описание секретарем обкома картины всеобщего драпа командиров всех уровней, а ведь это прямое воинское преступление – дезертирство с поля боя, неисполнение своего воинского долга, открытие врагу фронта и т. д., за что в условиях военного времени полагается только расстрел! Но если бы такой «олимпийский» драп был только на Брест-Кобринском направлении! Впрочем, а чего удивляться, если генералитет ЗапОВО вел себя именно так!..

2. Из срочной телеграммы от 29 июня 1941 г. секретаря Гомельского обкома Компартии (большевиков) Белоруссии Ф. В. Жиженкова на имя Сталина: «Бюро Гомельского обкома информирует Вас о некоторых фактах, имевших место с начала военных действий и продолжающихся в настоящее время:

1. Деморализующее поведение очень значительного числа командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу. 27 июня группа колхозников Корналинского сельсовета Гомельского района истребительного батальона задержала и разоружила группу военных, около 200 человек, оставивших аэродром, не увидев противника, и направляющихся в Гомель. Несколько небольших групп и одиночек разоружили колхозники Уваровического района.

2. Незнание командованием дислокации частей, их численности, вооружения, аэродромов, снаряжения, дислокации баз Наркомобороны, их количества и содержимого в районе его действия тормозит быструю организацию активного отражения противника.

3. Посылка безоружных мобилизованных в районы действия противника (27 июня по приказу командующего в Жлобине было выгружено 10 000 человек, направляемых в Минск).

4. Все это не дает полной возможности сделать сокрушительный удар по противнику и отбросить его, а, наоборот, создало сейчас большую угрозу для Гомельского участка фронта и тем самым создает угрозу прорыва противника в тыл Киевского участка фронта»².

* * *

Небольшой комментарий. Как видите, тотальный драп командиров всех уровней имел место не только на Брест-Кобринском направлении, но и на Гомельском направлении. Подлый драп был настолько ошеломляющий, что даже колхозники не выдержали – задержали и разоружили большую группу военных командиров. А вообще это потрясающий факт. Прежде всего тем, что, казалось бы, обязанные быть недовольными советской властью колхозники, напротив, встали грудью на ее защиту, активно противодействуя подлому дезертирству командиров всех уровней! Особенно в этой телеграмме потрясает упоминание факта о том, что задержанные и разоруженные колхозниками вояки бросили военный аэродром, так и не увидев противника! А это в военное время квалифицируется как преднамеренная сдача противнику военных объектов! За что также полагается расстрел! Потому как это уже предательство едва ли не в рафинированном виде!

А вообще-то, если уж быть принципиально честным и объективным на все 100%, то столь тотальный драп командования различных частей ЗапОВО, тем более на разных направлениях, более всего похож на предательский сговор еще до войны! Сговор, во главе которого, точнее, на вершине которого командование ЗапОВО!

Из той же «оперы» и содержание пунктов № 2–3. Это что же за командование было в тех местах, если даже партийные работники и то заметили, что оно ни хрена ничего толком не знает?! В свою очередь, разве не является предательским действием распоряжение командующего о направлении безоружных мобилизованных прямо под гитлеровские танки?! Не говоря уже о том, что и безоружными-то они стали также по вине командования округа – склады-то с санкции Тимошенко и Жукова были выдвинуты ближе к границе, где их и захватили немцы прямо в первые же часы и дни войны. Десять тысяч безоружных человек сознательно направить на гибель или, что ничуть не лучше мгновенной смерти, в неизбежный плен?!

Но более всего лично меня потрясло уникальное для партийного работника стратегическое предвидение секретаря Гомельского обкома – «...создало сейчас большую угрозу для Гомельского участка фронта и тем самым создает угрозу прорыва противника в тыл Киевского участка фронта»! Вы понимаете, что это такое? Секретарь обкома еще 29 июня 1941 г. увидел то, что даже Жуков в своей лживой байке о якобы имевшем место его собственном предвидении Киевской катастрофы отнес лишь на 29 июля! То есть секретарь обкома уже тогда куда

---

² Цит. по: «Известия» ЦК КПСС, 1990, № 6, с. 214–215.

лучше понимал последствия создавшегося положения на фронте, чем начальник Генерального штаба Жуков и первый главнокомандующий на войне, нарком обороны Тимошенко!

3. И письма о положении на Пинском направлении секретаря Луинецкого райкома КП(б) Белоруссии В. И. Анисимова на имя члена Политбюро Л. М. Кагановича (датировано концом июня 1941 г.): «Сейчас от Дрогичино до Лунина и далее на Восток до Житковичей сопротивление противнику оказывают отдельные части, а не какая-то организованная армия. Штаб 4-й армии после бомбардировки его в Кобрине до сих пор не собран, и отдельные части штаба ищут друг друга. Место пребывания командующего армией генерал-майора Коробкова до сих пор неизвестно, никто не руководит расстановкой сил, в результате чего на участке железной дороги Барановичи – Луинец наших войск нет. Луинец с севера не прикрыт, и немцы сейчас, проходящие по шоссе от Баранович на Слуцк, могут беспрепятственно прийти в Луинец, что может создать мешок для всего Пинского направления (подразумевается „котел“. – А. М.). В самом Луинце гарнизона почти нет. Проведенная в нашем районе мобилизация людей и коней эффекта не дала. Люди скитаются без цели, нет вооружения и снарядов (очевидно, нарядов. – А. М.) на отправку людей. В городе полно командиров и красноармейцев из Бреста, Кобрина, не знающих, что им делать, непрерывно продвигающихся на машинах на восток без всякой команды, так как никакого старшего войскового командира, который мог бы комбинировать (очевидно, координировать. – А. М.) действия войск, нет.

Прибывший вчера в Луинец генерал-майор артиллерии Дмитриев, находившийся до этого в отпуске, сам, видимо, не зная обстановки и не зная о существовании штаба армии, никаких указаний не дал. Сегодня отправился в Пинск в поисках штаба.

В Пинске сами в панике подорвали артсклады и нефтебазы и объявили, что их бомбами (очевидно, разбомбили немцы. – А. М.), а начальник гарнизона и обком партии сбежали к нам в Луинец, а потом, разобравшись, что это была просто паника, вернулись в Пинск, но боеприпасы, горючее пропали, – и дискредитировали себя в глазах населения. Шлют самолеты в разобранном виде, а собрать их негде. Их будем возвращать обратно.

Эти факты подрывают доверие населения. Нам показывают какую-то необъяснимую расхлябанность. Все требуют немедленных мер, назначения командующего, создания штаба, значительного усиления вооруженных сил, усиления истребительной авиации, т. к. сейчас бомбардировщики немцев чувствуют себя безнаказанно...»³

* * *

Небольшой комментарий. А это и вовсе умопомрачительное описание бардака вместо фронта. Причем бардака, круто замешанного на предательстве, саботаже, дезертирстве, неисполнении своего воинского долга! Осколки штаба армии увлеченно разыскивают друг друга, командование увлеченно драпает на восток вместе с красноармейцами, другие слоняются без дела, военкоматы не действуют (коли не было даже нарядов на отправку мобилизованных), обороны никакой, где командарм, никто не знает, найти не могут. Зато оставляют беззащитными советских людей на поругание лютomu врагу, но при этом успевают сознательно взорвать склады с боеприпасами и горючим (а ведь, к слову сказать, до 80% танков ЗапОВО было потеряно именно из-за нехватки горючего) и лишь потом разбираются, что они ударились в панику! Потрясающе злодейское преступление против своей же Родины во время войны!

Но что особенно поражает, так это то, что и в данном случае партийный секретарь мыслил стратегическими категориями. Ведь он, не военный человек, откровенно предвидел «котел» для наших войск! Партийный секретарь предвидел, а командование в это время нагло драпает от противника! Потрясающе!

---

³ Цит. по: «Известия» ЦК КПСС, 1990, № 6, с. 215–216.

4. Из воспоминаний начальника кафедры тактики ВВИА им. Жуковского, Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта авиации Сергея Федоровича Долгушина, встретившего войну младшим лейтенантом в 122-м истребительном авиационном полку (иап) непосредственно на границе, в полосе ЗапОВО: «...Накануне войны я служил на аэродроме, расположенном в 17 км от границы. В субботу 21 июня 1941 г. прилетел к нам командующий округом генерал армии Павлов, командующий ВВС округа генерал Копец... Нас с Макаровым послали на воздушную разведку. На немецком аэродроме до этого дня было всего 30 самолетов. Это мы проверяли неоднократно, но в этот день оказалось, что туда было переброшено еще более 200 немецких самолетов...»

* * *

Небольшой комментарий. Проще говоря, срочно проведенной в присутствии двух главных ответственных за боеготовность округа и его ВВС лиц воздушной разведкой была четко зафиксирована исключительная опасность, нависшая над СССР и, в частности, над ЗапОВО. Ведь взрывное, более чем семикратное увеличение числа вражеских самолетов на приграничном аэродроме противника означало его полную готовность к нападению на Советский Союз в ближайшие же часы! Тем более что эти данные строго укладывались и в рамки директивы Генштаба от 18 июня 1941 г. о реальности нападения в ближайшие же дни, в связи с чем и был отдан приказ о приведении всех войск всех приграничных округов в полную боевую готовность.

Как вы думаете, что же сделал командующий ЗапОВО генерал Павлов? При наличии-то таких данных и такого приказа из ГШ? А вот что (продолжение цитаты из воспоминаний Долгушина): «Часов в 18 поступил приказ командующего снять с самолетов оружие и боеприпасы. Приказ есть приказ – оружие мы сняли. Но ящики с боеприпасами оставили. 22 июня в 2 часа 30 минут объявили тревогу, и пришлось нам вместо того, чтобы взлетать и прикрывать аэродром, в срочном порядке пушки и пулеметы на самолеты устанавливать. Наше звено первым установило пушки, и тут появились 15 вражеских самолетов...» Вы только вдумайтесь, что же за приказ был отдан! В особо угрожаемый период, при наличии неопровержимых данных о том, что вот-вот с непрошеным «визитом» нагрянут нацистские супостаты, летчикам базирующегося всего в 17 км от границы истребительного авиаполка приказывается снять с самолетов оружие и боеприпасы! И кем? Командующими ВВС округа и самим ЗапОВО генералами Копец и Павловым! Ни тот ни другой друг без друга такой приказ отдать не могли – он был четко согласован между ними! Надеюсь, теперь будет понятно, почему в первые же минуты агрессии летчикам – тем, что успели взлететь, – пришлось идти на тараны в целях защиты своей Родины – самый первый таран состоялся в 4 ч. 15 мин. утра 22 июня! Ведь у них на борту не было ни оружия, ни боеприпасов. По приказу двух командующих!

5. В 16.00 21 июня командир развернутой в районе Брест-Кобрин (ЗапОВО) 10-й сад полковник Белов получил шифровку из штаба ЗапОВО следующего содержания: приказ от 20 июня о приведении частей в полную боевую готовность и запрещении отпусков отменить! То есть, как и в первом случае, командующий ЗапОВО генерал армии Павлов лично санкционировал – штаб округа без него ну никак не мог отдать такой приказ – об отмене директивы Генштаба от 18 июня 1941 г.!

Аналогичный приказ получили и в 9-й сад (Белосток-Волковыск). В 13-м бап этой дивизии приказ выполнили с превеликим удовольствием: командование авиаполка, летчики, техники уехали к своим семьям, авиагарнизон остался на попечении внутренней службы во главе с мл. лейтенантом Усенко. Хуже того, зенитную батарею, прикрывавшую аэродром, сняли и отправили на учения! Кстати, в ЗапОВО это было в массовом порядке...

И вот что поразительно: полностью оголенный аэродром 13-го бап уже в первые часы агрессии голыми руками был взят гитлеровцами вместе со своими новехонькими и целехонькими самолетами Ар-2 и Пе-2! 13-й бап испарился в мгновение ока! Неудобно даже говорить, что-де он был разгромлен. Неудобно, потому что то, что произошло в первые часы 22 июня 1941 г. с аэродромом этого 13-го бап, в сущности, однозначно свидетельствует о преднамеренной, умышленной сдаче этого аэродрома гитлеровцам, по сути дела, в соответствии с еще в довоенное время достигнутой преступной договоренностью с противником!

В ситуации, когда из-за предательского приказа командующего округом об отмене полной боевой готовности все, включая и командование бап, смылись по домам, а на аэродроме остался только один мл. лейтенант К. Усенко во главе малочисленной внутренней службы, то есть с охраной аэродрома, у которой была изъята даже зенитная батарея, этого самого бедолагу Усенко чья-то не в меру подлая голова отправила рано утром 22 июня на разведку в район Гродно-Августов. Константин Усенко приказ выполнил – слетал. Не позднее полудня уже заходил на своем Ар-2 на посадку на базовый аэродром. А когда приземлился, то с изумлением обнаружил, что к его самолету развернутой цепью бегут гитлеровцы, а чуть поодаль увидел шесть транспортных Ю-52! То есть доставивших туда десант и штук десять Ме-110! Попросту говоря, под внешне целесообразным предлогом его, Усенко, удалили с аэродрома, чтобы не было даже видимости сопротивления, которое обязана была оказать охрана аэродрома! А еще проще – чтобы аэродром целехоньким достался гитлеровцам. К слову сказать, немецкая пехота, а пехота, как известно, закрепляет успехи всех остальных войск, дотопала до этого места лишь 24 июня!

Едва ли все это можно расценить иначе, кроме как еще в довоенное время достигнутый преступный сговор командования ЗапОВО с гитлеровцами!

После таких «славных приказов», после всего того, что он «сделал», даже на йоту не исполнив директиву от 18 июня 1941 г. о приведении войск округа в боевую готовность, Павлов преспокойно отправился в театр смотреть мольеровского «Тартюфа». И даже тогда, когда начальник разведки округа уже в театре подошел к Павлову и доложил об угрожающей возне на немецкой стороне, Павлов отмахнулся и продолжил смотреть театральное действо.

Кстати, о разведке ЗапОВО. Действия Павлова и его подчиненных в этой сфере были настолько «необъяснимо» подлыми, что даже и не знаешь, как охарактеризовать их. В то время как сотрудники, агентура и резиденты разведывательного отдела ЗапОВО с риском для своих жизней добывали разнообразные актуальные сведения о военных приготовлениях гитлеровцев к нападению в ближайшее время, а к концу мая 1941 г. смогли еще и выйти на уровень стратегической разведывательной информации, командование округа попросту игнорировало эти данные⁴. Причем агентуре разведывательного отдела ЗапОВО удалось более или менее точно сориентировать командование округа и в отношении наиболее вероятной даты нападения, указав попутно и ближайшие стратегические и тактические цели и задачи вермахта на этом направлении. Хуже того. Командующий округом Павлов лично сам в телефонном разговоре со Сталиным в начале июня нагло обманул Иосифа Виссарионовича и пытался успокоить его тем, что-де на границе все спокойно, никакого сосредоточения немцев не наблюдается⁵. И это менее чем за 10 дней до нападения!

В итоге обладавший 44 дивизиями, громадным количеством танков, мощной артиллерией и авиацией Западный фронт под его командованием рухнул за четыре с гаком дня?! Ну, и как же после всего этого ему не быть «невинной жертвой сталинизма»?!

---

⁴ Докладная записка начальника Ломжинского оперативного пункта разведывательного отдела штаба Западного особого военного округа оперуполномоченному особому отделу НКВД Западного фронта о работе этого пункта перед началом и во время войны. 4 января 1942 г. В книге «...Уничтожить Россию весной 1941 г. (А. Гитлер, 31 июля 1940 года). Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг.». Составитель Ямпольский В. П. М., 2008, с. 448–453.

⁵ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М., 2007, с. 56–57.

Никакой растерянностью или внезапностью нападения это не объяснить. А всего менее чем за две недели боев потери округа в живой силе составили 417 729 чел., в том числе безвозвратные – 341 012 чел.! Чуть ли не весь наличный состав округа! Авиация округа была вдребезги разгромлена, а ведь командование округа было знакомо с суровыми выводами комиссии, проверявшей состояние ВВС округа, о чем говорилось выше. Оставшаяся часть нагло брошена на аэродромах, с которых в пожарном порядке смывались остатки авиачастей. Причем во главе с командирами, хотя приказов на отступление они не получали. Приграничные аэродромы округа были захвачены гитлеровцами без малейшего сопротивления в первые же часы войны! С самолетов передового базирования этого округа накануне гитлеровской агрессии было снято вооружение и боезапас, слито топливо, причем у некоторых самолетов в баках оказалась вода! Практически три тысячи танков этого округа вообще не приняли никакого участия в боях и были просто брошены!

Но более всего в ступор вгоняет тот факт, что гитлеровцы в соответствии с разработанным еще в конце 1936 г. графиком агрессии взяли Минск на пятые сутки! Но ведь в 1936 г. они добились такого немислимого успеха в картографической тогда агрессии только благодаря полученному от Тухачевского и К^о «Плану поражения СССР в войне с Германией». И вот теперь, спустя четыре с небольшим года, уже на практике 100-процентно повторили этот же успех?! Причем то, что они планируют именно такое развитие событий, было документально подтверждено еще и данными берлинской резидентуры НКГБ СССР⁶. Думайте, что хотите, но это ничем не объяснить, кроме как предательством! А ведь, к слову сказать, даже агентура ГО ЗапОВО 28 мая 1941 года сообщала об этом же, но с той лишь разницей, что указала со ссылкой на свои источники срок взятия Минска на 8-е сутки⁷.

И за такие потери, за такой урон обороне, за такой ущерб стране – ведь то, что немцы в конце концов появились едва ли не у стен Кремля, вина прежде всего командования Западного фронта, прикрывавшего Белорусское направление, на котором разворачивался главный удар вермахта, – действительно необходим был самый суровый приговор! И не один!..

Суровое, но справедливое резюме всему этому подвел суд. Причем Павлова судили не по знаменитой 58-й статье УК. В процессе закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР 22 июля 1941 г. были переквалифицированы статьи Уголовного кодекса, по которым обвинялось командование ЗапОВО. Их арестовали по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 63-2 и 76 УК Белорусской ССР (аналог знаменитой ст. 58 в УК РСФСР). Однако суровый приговор был вынесен на основании ст. 193-17/б (бездействие власти... при отягчающих обстоятельствах) и 193-20/б (сдача неприятелю начальником вверенных ему военных сил...) УК РСФСР. Формулировка обвинения в приговоре была такова: «за проявленную трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допущение развала управления войсками, сдачу оружия противнику без боя, самовольное оставление боевых позиций частями Красной Армии и создание противнику возможности для прорыва фронта Красной Армии». «Создание противнику возможности для прорыва фронта Красной Армии» вменялось только самому Павлову как командующему Западным фронтом.

---

⁶ Воскресенская Зоя. Под псевдонимом Ирина. М., 1997, с. 48–49.

⁷ Докладная записка начальника Ломжинского оперативного пункта разведывательного отдела штаба Западного особого военного округа оперуполномоченному особому отделу НКВД Западного фронта о работе этого пункта перед началом и во время войны. 4 января 1942 г. В книге «...Уничтожить Россию весной 1941 г. (А. Гитлер, 31 июля 1940 года). Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг.». Составитель Ямпольский В. П. М., 2008, с. 450–453.

* * *

Небольшой комментарий. Конечно, не один Павлов и иные его поделчики были виноваты – к ответу следовало бы призвать еще и наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова. Бардак в подготовке к отражению агрессии происходил с их ведома. Если, конечно, это был просто бардак, во что, извините, совершенно не верится. Уж слишком много данных о том, что речь необходимо вести о злоумышленном саботаже, предательстве и измене. Увы, но в этой книге нет возможности подробно рассказать об этом. Исследованию этой черной страницы начала войны будет посвящена другая книга автора.

Хуже того. Именно на Тимошенко и Жукове лежит вся полнота ответственности за то, что Советский Союз вступил в войну с беспрецедентно «безграмотным сценарием». Впоследствии Тимошенко открыто это признал. Но признать «безграмотность» сценария вступления в войну, да и то после войны, – это одно, а вот замаскировать под «безграмотность сценария вступления в войну» – совсем иное. Принципиально иное. Так вот и спрашивается, не слишком ли дешево отмазался Тимошенко, признав всего лишь «безграмотность»? Ту самую «безграмотность», за излечение Тимошенко и Жукова от которой советский народ вынужденно положил на алтарь Победы 27 миллионов полных сил и светлых помыслов жизней советских же граждан!

Конечно, после злодейски подлых убийств Сталина и Берия генералитет и маршалитет кинулись оправдывать «невинные жертвы сталинско-бериевских репрессий». По указке Жукова в 1956 г. Генеральный штаб вынес заключение по делу командования Западного фронта, из которого следовало, что Павлов, Климовских, Григорьев, Коробков и Клич не виновны «в проявлении трусости, бездействия, нераспорядительности, в сознательном развале управления войсками и сдаче оружия противнику без боя». А как же, например, резолюция Жукова в отношении Коробкова?! Хорош Георгий Константинович, ой как хорош!.. Впрочем, а чего удивляться. Если у него именно тогда хватило совести в письменной форме облить Сталина несусветной грязью, то чего же ему было стесняться по-хамелеонски изменить свою позицию в отношении генералов ЗаПОВО?!

А далее, на основании этого вывода Генштаба, та же Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила в отношении расстрелянных генералов приговор за отсутствием в их действиях состава преступления. Причем в определении ВК ВС говорилось, что «прорыв гитлеровских войск на фронте обороны Западного особого военного округа произошел в силу неблагоприятно сложившейся для наших войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован Павлову и другим осужденным по настоящему делу как воинское преступление, поскольку это произошло по независящим от них причинам». Ну, не словочи ли?! Если бы командование округа накануне войны предприняло все необходимые меры по укреплению обороны и привело бы войска в полную боевую готовность, в состоянии которой они и встретили бы гитлеровских супостатов, но прорыв все-таки произошел бы в силу тактических преимуществ нападавшей стороны, то тогда это определение еще имело бы хоть какой-то смысл. Но то, что написали подлецы из Военной коллегии образца 1957 г., иначе как злостной фальсификацией во имя пресловутой реабилитации предателей и изменников не назовешь. Увы, в годы правления Хрущева еще и не такое творилось...

Сталин поступил очень правильно, согласившись с предложением НКВД и лично Берия о переквалификации преступления командования Западного фронта на другие статьи УК. Тем самым он ясно дал понять генералитету, что устраивать глобальные силовые разборки с ним, тем более наподобие 1937 г., он не намерен, но при необходимости спокойно может обойтись и без знаменитой 58-й статьи. С большим трудом, но до генералов доперло, что пора и воевать...

Со всеми подобными случаями и обстоятельствами, их породившими, в первый период войны пришлось разбираться чекистам под руководством Лаврентия Павловича Берия. Как с делом Павлова и его генералов, так и с другими. Именно из-за этого все шишки за вполне законные аресты и приговоры валят на них. Именно отсюда проистекает другой миф – что-де НКВД больше делать нечего было, как заниматься охотой на мнимых врагов советской власти в рядах вооруженных сил, особенно в начальный период войны. Во-первых, они выполняли свой конституционный долг. Во-вторых, они выполняли приказ ГКО. В первые месяцы войны руководство страны больше интересовало уровень боеспособности действующей армии, чем количество выявленных врагов. К примеру, 9 июля 1941 г. вступил в силу «Табель оперативной отчетности и направления документов органов Третьего управления НКО в военное время». Приоритет в нем был отдан информации Особых отделов о недочетах в обеспечении войск фронта и тыла всеми видами довольствия и вооружения, о недостатках в подготовке и проведении операций. А что это означает. Это означает, что руководство СССР потеряло всякое доверие к генералитету и, опасаясь худшего развития событий, резко усилило над ним негласный контроль силами Особых отделов. Лишь пятым пунктом там было указано о необходимости направления сообщений о проявлениях вражеской деятельности в войсках. После объединения наркоматов внутренних дел и государственной безопасности в единый наркомат внутренних дел и возвращения особых отделов под начало Л. П. Берия исполнение этого табеля военные контрразведчики продолжили уже под руководством Лаврентия Павловича. В этих документах сосредоточена страшная, крайне неприглядная правда о действиях командования всех уровней. Та самая правда, которую генералитет не приемлет до сих пор. Но поскольку отвергнуться от архивных документов невозможно, то лучший способ защиты – вновь и вновь обливать грязью Лаврентия Павловича и военных контрразведчиков, сиречь столь ненавистные в войсках сотрудники особых отделов. Тут генералитет «геройски» ведет широкомасштабные наступления на всех направлениях...

Почему же до сих пор считается, что законная, четко указанная в Конституции СССР деятельность органов НКВД во главе с Лаврентием Павловичем Берия по обеспечению государственной безопасности СССР, его вооруженных сил, особенно действующей армии, была незаконной, что они незаконно репрессировали невинных генералов, к примеру, того же Павлова и его подчиненных?! Что это за страсть такая – по любому поводу выливать на органы госбезопасности ушаты грязи?! Когда-нибудь прекратится эта вакханалия подлого издевательства и оскорблений в адрес НКВД и Л. П. Берия и вообще органов государственной безопасности?! Ведь если бы не органы госбезопасности и внутренних дел, то положение СССР в результате предательства ряда генералов и других военнослужащих могло стать в первый период войны не просто катастрофическим, а именно же глобальной трагедией с необратимыми последствиями.

Так не пора ли признать все это и прекратить бессовестные нападки на НКВД и Лаврентия Павловича Берия?!

Миф № 2. В начале войны Берия инициировал незаконный расстрел 25 генералов ВВС, обвиненных им в антиправительственном военном заговоре, а также 170 заключенных, числившихся особо опасными государственными преступниками, в том числе устроил «зверскую расправу» над старым большевиком Михаилом Кедровым, несмотря на то что он был освобожден по приговору суда

Что касается генералов ВВС РККА, то суть причины их расстрела уже после начала войны была указана еще при анализе мифа № 41 в первой книге данного проекта. Там же было указано, кто и в чем был виноват в вопросе об их репрессировании. Поэтому повторяться не буду. Отмечу лишь только то, что в отношении них также имелись вынесенные Военной коллегией Верховного Суда СССР приговоры о применении к ним высшей меры наказания – расстрела. За то, что они «начудили» с авиацией приграничных военных округов, с невиданного погрома которой и началась трагедия 22 июня 1941 г., вряд ли можно было ожидать иного приговора.

Что же касается расстрела в Орловской тюрьме в сентябре 1941 г. 170 особо опасных государственных преступников, так в этом вины Берия нет. Во-первых, во время войны так поступает любое государство. Особенно когда есть прямая угроза захвата этих государственных преступников противником. Во-вторых, негоже считать этих людей какими-то невинными агнцами, которые, сидя за решеткой, только и знали, что исправляться. Ничего подобного. Направляя 6 сентября 1941 г. на имя Сталина письмо с прилагавшимся ему списком на 170 заключенных орловской тюрьмы (обычно почему-то используется выражение «орловский централ»), то в качестве обоснования необходимости их расстрела в соответствии с приговором суда Лаврентий Павлович указал, что эти лица ведут пораженческую агитацию среди заключенных и готовят побег. При этом Берия действовал в рамках советского законодательства того времени, ибо указал, что рассмотрение дел на этих лиц должно быть поручено Военной коллегии Верховного Суда СССР. Проще говоря, не Лаврентий Павлович принимал окончательное решение об их расстреле, а законный советский судебный орган – Военная коллегия Верховного Суда СССР. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны № ГКО-634 сс к этим лицам было решено применить высшую меру наказания – расстрел. Но и Сталин не принял окончательного решения. 8 сентября 1941 г.

Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дела на этих лиц и приговорила 161 заключенного из упомянутого списка на 170 заключенных к высшей мере наказания.

Поскольку, как правило, в качестве примера приводят якобы незаконный расстрел Х. Раковского и М. Спиридоновой, то на их примере и проиллюстрируем подлинные причины их расстрела. Тогда и в отношении остальных будет все понятнее.

Христиан Георгиевич Раковский (1873–1941) – опытный мастер закулисных интриг, видный масон высокой степени посвящения, давний агент германской (до 1918 г. – и австро-венгерской) разведки, а впоследствии еще и британской. Осужден на длительный срок тюремного заключения в 1938 г. по делу о правотроцкистском центре. Мария Спиридонова – бывший руководитель партии левых эсеров, организатор левоэсеровского мятежа в Москве 6 июля 1918 года.

Оба персонажа – закоренелые оппозиционеры, настоящие враги советской власти и СССР. Даже будучи осужденными и находясь в заключении, не угомонились, хотя суд смягчил им меру наказания – ведь прокуратура требовала их расстрела. Увы, горбатого только могила исправит. Так оно и вышло. Находясь в заключении и зная о начале войны, они и в тюрьме вели пораженческую агитацию (Раковский еще со времен Первой мировой войны был большой мастак по этой части) и готовили побег, чтобы продолжить политическую борьбу против советской власти⁸. Вот только этого-то и не хватало советской власти в самый тяжелый и трагичный период войны – начальный ее период. По законам военного времени их и приговорили к расстрелу. Потому что хотя Раковский и Спиридонова, конечно, это не Троцкий, но по своей вредности едва ли в чем-либо уступали проклятому «бесу мировой революции».

Особое внимание прошу обратить на то обстоятельство, что они готовили побег. Побег из тюрьмы строгой изоляции, а они содержались именно в таких условиях, можно готовить, имея сообщников на свободе. И не просто сообщников, а очень влиятельных сообщников, иначе ничего не получится. Следовательно, в стране тогда была угроза открытого проявления антигосударственного заговора, возглавить или принять активное участие в руководстве которым должны были Раковский и Спиридонова. В условия военного времени угрозы подобного характера ликвидируются только хирургическим путем – тут не до демократий, когда на кону стоит не столько даже судьба советской власти или того же Сталина, сколько Великой России, что Иосиф Виссарионович и Лаврентий Павлович прекрасно знали по донесениям разведки.

* * *

Небольшой комментарий. Откровенно говоря, слава богу, что гитлеровское командование не сразу додумалось до попыток превращения своей агрессии, или, как оно называло ее, Восточного похода, в гражданскую войну внутри СССР. Это произошло лишь под конец 1943 г., когда свершился коренной перелом в войне. Однако же, когда гитлеровцы додумались до этого, то ставки у них были именно на такую мразь, как Раковский, Спиридонова и др., о чем они прямо написали в своем плане на этот счет. Хуже того. Там было прямо указано, что необходим повтор того, что немцы натворили еще в 1917 г., когда направили Ленина и его банду в Россию с целью сепаратного ее выведения из войны на условиях позорного мира. Так что оцените дальновидность принятого решения о расстреле таких негодяев еще осенью 1941 г.

Так что винить Лаврентия Павловича не за что. Если именно он был инициатором расстрела, то есть подписал иницирующий такое решение ГКО документ, то правильно и сделал! Как-никак, но он был руководителем органов государственной безопасности СССР, и на нем лежала вся полнота ответственности за ее обеспечение. А свои обязанности он всегда выполнял точно и безукоризненно. Так что, повторяю, винить его не за что. Свою судьбу Раковский, Спиридонова и другие выбрали сами. За что и получили по заслугам. Только жаль, что так поздно.

Что же до трагической судьбы М. Кедрова, то и этот миф запустил на пропагандистскую орбиту все тот же пресловутый Никита Хрущев. Зачитал его письмо из тюрьмы на шабаше недобитых троцкистов – XX съезде – и тут же обвинил Берия в том, что он незаконно его расстрелял.

Подробности дела Кедрова неизвестны до сих пор – его дело не рассекречено и поныне. Что, к слову сказать, весьма симптоматично...⁹ Однако за одно то, что он сдал Русский Север

---

⁸ Рыбас С. Ю. Сталин. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 2009, с. 625.

⁹ Хотя некоторые, явно не украшающие слеппенный Хрущевым искусственно созданный лубочный образ кристального старого большевика Кедрова детали все-таки стали известны. См. по этому вопросу: Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий

англичанам в 1918 г., его уже тогда надо было не то что казнить, а живьем четвертовать. А заодно его мерзкую вторую половину – женушку Майзель, которая по своей патологически звериной жестокости превосходила все, что известно об инквизиции Средних веков, а гестапо по сравнению с ней – так и вовсе детские ясли. Не говоря уже о другой его подрывной деятельности, в том числе и во время царизма (М. С. Кедров – 1878 г. р.). Но это так, к слову...

В настоящее время утверждается, что в действительности Берия не причастен к вынесению решения о его расстреле. Да, это и в самом деле так. Однако акценты в этой истории расставлены юридически неверно. Уважаемые авторы прекрасной книги «Антисталинская подлость» (М., 2007) – американский историк Гровер Ферр и его российский коллега Владимир Бобров – указывают, что, согласно опубликованным ФСБ РФ архивным данным, к подготовке заключения о необходимости расстрела М. С. Кедрова Берия не причастен. Но упирают при этом на то, что заключение НКВД СССР от 17 октября 1941 г. о необходимости расстрела, в том числе и М. С. Кедрова, было подписано начальником следственной части по особо важным делам НКВД СССР Л. Влодзимирским, утверждено заместителем наркома внутренних дел СССР Б. Кобуловым и согласовано с Прокурором СССР В. Бочковым¹⁰. Все верно перечислили уважаемые коллеги. Кроме одного, самого важного. Если так оперировать фактами, то получается вот что. Начальник следственной части по особо важным делам НКВД СССР Л. Влодзимирский сам по себе, заместитель наркома внутренних дел СССР Б. Кобулов – тем более сам по себе, а вот Лаврентий Павлович Берия, как нарком внутренних дел СССР, ни так ни сяк не имел отношения к ним, своим подчиненным.

Увы, уважаемые коллеги, даже в поисках истины не следует забывать о правилах субординации и подчиненности в НКВД СССР того времени. Влодзимирский и Кобулов подчинялись Берия. И все тут. И вместо этих неправомерных рассуждений необходимо было четко указать, что заключение НКВД от 17 октября 1941 г. было составлено по указанию «директивных органов Союза ССР»¹¹, которым в то время являлся Государственный Комитет Обороны, где решения принимались коллегиально. Ведь знали же авторы об этом, но почему-то не указали. Более того. Необходимо было указать, что в первоначальный состав (образца 1941 г.) ГКО входили не только И. В. Сталин и Л. П. Берия, но и В. М. Молотов, и Г. М. Маленков, и К. Е. Ворошилов¹². Так оно и точнее, и объективнее. И только после этого можно было говорить о том, что указание «директивных органов Союза ССР» было направлено в НКВД СССР на исполнение, внутри которого в соответствии со своей компетенцией его осуществляли Влодзимирский и Кобулов.

Если все это четко указать, то тогда становится абсолютно понятной прямая ссылка уважаемых авторов книги «Антисталинская подлость» на то, что в документе-предписании на расстрел (в том числе и Кедрова) указана причина расстрела – «привести приговор в исполнение»! Проще говоря, никакого своеволия Л. П. Берия тут не было и в помине! Хотя Хрущев и утверждал, что-де 9 июля 1941 г. Кедров был оправдан Военной коллегией Верховного Суда СССР, которая предписала освободить его из-под стражи. Однако и во-первых, все эти голословные утверждения, в том числе и со ссылкой на Хрущева, не стоят даже и раздавленной скорлупы выеденного яйца. Ведь до сих пор никто не предъявил этот документ. Или пусть будет предъявлено это решение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 9 июля 1941 г. об оправдании Кедрова и его освобождении, но не мешают проведению независимой экспертизы на предмет установления подлинности этого документа. Потому как если предъявят нечто

Берия? М., 2003.

¹⁰ Гровер Ферр. Антисталинская подлость. Пер. с англ. Боброва В. Л. (он же и соавтор книги). М., 2007, с. 404 со ссылкой на: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Книга 1. М., 200, документ № 617, с. 215–216, в том числе и примечание на с. 215.

¹¹ Там же.

¹² Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет. М., 2002, с. 31.

подобное, то волей-неволей заподозришь фальшивку – от «демократов» можно ожидать чего угодно. Независимая экспертиза необходима потому, что ныне могут сляпать любой документ и выдать его за архивный. Или пусть прекращают разносить по всему свету махровую ложь!

Третьего не дано. Во-вторых, Лаврентий Павлович Берия был особый педант в документации, и уж раз он указал в предписании на расстрел «привести в исполнение приговор – высшую меру наказания (расстрелять)...», то, следовательно, приговор о расстреле действительно был! Уж кем-кем, но сумасшедшим Лаврентий Павлович не был, чтобы на пустом месте, да от своего имени изобретать приговор о высшей мере наказания в отношении сразу 25 заключенных, которые фигурировали в этом предписании, включая и Кедрова.

Так что пора кончать с этим мифом. Лаврентий Павлович, в сущности, выполнил директивное указание Государственного Комитета Обороны, которое в свою очередь было подкреплено решениями Военной коллегии Верховного Суда СССР по каждому из 25 упомянутых в том предписании фигурантов. Соответственно Л. П. Берия не в чем винить. И все тут.

Миф № 3. Едва только обозначилась угроза катастрофы на советско-германском фронте, Берия по собственной инициативе и через агента советской внешней разведки посла царской Болгарии в СССР Стаменова вступил в тайные сепаратные переговоры с гитлеровцами в целях зондирования возможности соглашения о сепаратном мире по аналогии с Брест-Литовским договором от 3 марта 1918 г.

Да, сам факт использования этого агента в стратегических целях в июле месяце 1941 г. имел место быть. Однако и во-первых, инкриминировавший этот факт Лаврентию Павловичу Берия Никита Хрущев, как всегда, солгал. На большее он был неспособен. Никакой личной инициативы Лаврентий Павлович в этом вопросе не проявлял. Он действовал строго по указанию Сталина. Во-вторых, ни о каком сепаратном мире наподобие Брест-Литовского даже тени намек и то не было. В помине не было. В-третьих, это была попытка использования столь крупного агента в целях достижения весьма специфической стратегической цели. Дело в том, что уже к началу последней декады июля 1941 г. советскому руководству стало известно о следующем. Столкнувшись с крайне ожесточенным, буквально свирепым сопротивлением советских войск (не все же драпали, как на Западном фронте), а к этому времени функции Верховного Главнокомандующего исполнял уже Сталин, что командование вермахта немедленно почувствовало, о чем свидетельствуют записи в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных сил Третьего рейха генерал-полковника Ф. Гальдера, Гитлер фактически склонился к принятию окончательного решения о применении на Восточном фронте химического оружия. Об этом свидетельствовали захваченные в июле 1941 г. трофейные документы. Не приведи господь, но если бы гитлеровцы и в самом деле применили бы такое оружие в массовом порядке на всем советско-германском фронте, а они уже и распылители поставили на самолеты, и химические минометы с химическими минами завезли на фронт, то потери Красной Армии и гражданского населения могли возрасти на порядок. Об экономическом и экологическом ущербе уж и не говорю – и так должно быть понятно.

Так вот, стремясь категорически не допустить именно такого развития событий, Сталин и приказал Берия по каналам разведки довести до сведения нацистских негодяев в Берлине, что если там примут решение о массовом применении химического оружия на советско-германском фронте, то советская авиация дальнего действия зальет поганый рейх химическим и бактериологическим оружием. По состоянию на июль месяц 1941 г. выбор агентурных каналов для продвижения такой информации в Берлин у советской разведки был невелик, и главным кандидатом на эту роль был давнишний агент разведки, посол царской Болгарии в Москве Стаменов. Царская Болгария сохраняла в тот период времени союзнические отношения с Третьим рейхом, и расчет был на то, что сообщение Стаменова так или иначе станет известным и в Берлине. Именно с этой целью в конце июля по приказу Берия со Стаменовым встретился и беседовал один из руководителей советской внешней разведки – Павел Анатольевич Судоплатов. Он рассказал в своих мемуарах об этой встрече, но полностью извратил ее цель, акцентировав внимание на якобы имевшей место попытке советского руководства сепаратно договориться с Гитлером о перемирии. Зачем он так сделал – никто не знает. Может быть, потому, что именно в таком ключе его допрашивали в 1953 г. после убийства Берия как «члена банды

Берия». Хотя чего было скрывать, если еще при жизни Судоплатова, в середине 80-х гг. прошлого века, о попытке устрашения гитлеровцев применением советского химического оружия открыто было сказано в одном из показанных по советскому телевидению документальных фильмов о советских химических войсках. А свои мемуары он опубликовал через несколько лет после насильственного развала СССР. Более того. Чего ему было скрывать, если еще накануне войны по каналам разведки и советской дипломатии в адрес Берлина была озвучена такая же угроза – что в случае нападения на СССР последний не остановится перед применением своего химического и бактериологического оружия¹³. Он же знал об этом. Ведь сам же руководил осуществлением этих акций влияния. Наконец, ему прекрасно было известно и о следующем. Знаменитый демонстративный налет группы советских бомбардировщиков дальнего действия на Берлин в начале августа 1941 года как раз и преследовал цель подкрепить весомость тех аргументов, которые он по приказу советского руководства и лично Берия озвучил перед Сталиным в расчете на то, что это дойдет до Берлина.

Как видите, ни о какой самостоятельности Лаврентия Павловича речи и быть не может – не делал он ничего подобного, что пытался ему инкриминировать Хрущев. Напротив, он делал совершенно иное. И добился успеха. Потому что германские генералы не понаслышке знали о небывалых запасах советского химического и бактериологического оружия – ведь сами же в период тайного сотрудничества между рейхсвером и РККА помогали налаживать его производство. И, судя по всему, именно поэтому и отговорили Гитлера от применения в массовом порядке такого оружия на Восточном фронте. Да, это, конечно, не означает, что его не применяли вообще. Применяли, причем практически всегда инициатором было гитлеровское командование. Однако всякий раз на том участке фронта, где фрицы пытались применить это оружие, советское командование давало вразумляющий ответ таким же оружием. Но без массового применения такого оружия на всем советско-германском фронте. После чего на некоторое время фрицы затихали в своих попытках применить химическое оружие. Через некоторое время такие попытки возобновлялись, как, впрочем, и вразумляющий советский ответ. Однако до постоянного массового применения на советско-германском фронте химического оружия, вновь особо это подчеркиваю, дело все-таки не дошло.

Такова Подлинная Правда о том событии в начале войны и роли в нем Лаврентия Павловича Берия.

---

¹³ Вишлёв О. В. «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сборнике: Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995, с. 44–45.

Миф № 4. Едва только обозначилась угроза полного поражения в войне, Берия предложил Сталину создать заградительные отряды, чтобы страхом удержать разбегающуюся армию на фронте. Руководимые Берия заградотряды свирепствовали на фронте, расстреливая чуть ли не всех подряд, кто покинул свои боевые позиции

Краткая историческая справка. Заградительные отряды известны с глубокой древности. Их применяли еще в IV в. до нашей эры, затем в Древнем Риме. Применялись они и в Средние века, особенно в наемных войсках. В Русской армии на протяжении всей военной истории меры подобного характера не применялись. Частично подобное имело место только в ходе Первой мировой войны, где эту функцию выполняли ударные части, направлявшиеся командованием для пресечения бегства с фронта и борьбы с дезертирством. В годы Гражданской войны в России заградительные отряды создавались лишь в отдельные критические моменты. Накануне Великой Отечественной войны заградительные отряды были созданы и использовались во время советско-финляндской войны. В этот период они действовали на основании совместного приказа наркомов обороны и внутренних дел СССР – Ворошилова и Берия – № 003/0093 от 24 января 1940 г. Тогда было создано 27 заградительных отрядов.

Миф о заградительных отрядах – один из самых почитаемых в «демократически мыслящих» кругах всех времен и народов. Потому как якобы дает возможность излить всю свою зоологическую ненависть к Сталину, Берия и органам госбезопасности одновременно. Появился еще во времена дурдомовской «оттепели» ярого врага Советского Союза и России пресловутого Хрущева. По сей день миф является одним из самых излюбленных «аргументов» в клевете на Сталина и Берия. Кто только и как только не поупражнялся на эту тему?! Все стремятся по сильнее «лягнуть» и «мертвого льва» – Иосифа Виссарионовича Сталина, и его верного рыцаря – Лаврентия Павловича Берия. Придумали вот такую паршивую песенку:

Эта рота наступала по болоту,
А потом ей приказали, и она пошла назад.
Эту роту расстрелял из пулемёта,
Свой же заградительный отряд.

Ну что тут скажешь?! Уж если и хотят «лягать», то начинать-то надо аккуратно с наркома обороны маршала С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии (в то время) Г. К. Жукова. Потому как именно они являются подлинными инициаторами создания заградительных отрядов во время Великой Отечественной войны. 27 июня 1941 г. 3-е Управление (особые отделы) наркомата обороны издало директиву № 35523 о работе своих органов в военное время, в которой, в частности, говорилось: «Организация подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочистки лесов и т. д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников Третьего управления с задачами:

- а) задержания дезертиров;
- б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта;

в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКВД (1–2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности».

* * *

Небольшой комментарий. Позволю себе напомнить, что в соответствии с Постановлением Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 г. о разделении НКВД СССР на НКВД СССР и НКГБ СССР военная контрразведка была выделена из состава НКВД и передана наркоматам обороны и Военно-морского флота СССР. В их составе были созданы 3 Управления, соответственно НКВД СССР и НКВМФ СССР. То есть с указанного времени они подчинялись наркому обороны маршалу Тимошенко, начальнику Генерального штаба генералу армии Жукову и наркому военно-морского флота Кузнецову. Упомянутая выше директива № 35523 от 27 июня 1941 г. была издана 3-м Управлением НКВД СССР с прямой санкции Тимошенко и Жукова, и ими же подписана!

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 187 с от 17 июля 1941 г. органы 3-го Управления НКВД были преобразованы в особые отделы и возвращены в прямое подчинение вновь объединенного НКВД. Своей директивой № 169 от 18 июля 1941 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия разъяснил задачи особых отделов в свете проведенной реорганизации следующим образом: «Смысл преобразования органов Третьего управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникёрами и дезорганизаторами. Беспощадная расправа с паникёрами, трусами, дезертирами, подрывающими мощь и порочащими честь Красной Армии, так же важна, как и борьба со шпионами и диверсией». В процессе этого преобразования под юрисдикцию НКВД СССР перешли и созданные НКВД заградительные отряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.